

✦ Классическое наследие

АЛЬФРЕД РЕДЖИНАЛЬД РЭДКЛИФФ-БРАУН

ЕСТЕСТВЕННАЯ НАУКА ОБ ОБЩЕСТВЕ*

Трактуя разделение наук как основанное на различении разных типов систем, определяя систему как совокупность отношений между элементами и устанавливая, что каждой системе соответствуют свои виды отношений, Рэдклифф-Браун определяет социальную науку как науку о социальных системах или образующих их социальных отношениях. Описывая метод науки об обществе, он рассматривает роль наблюдения, гипотез, таксономий, классификации, генерализации, понятий, абстракций, определений, аналогий, процедур сравнения и творческого воображения. Метод социальной науки он описывает как сравнение систем разных типов и получение обобщений (естественных законов), обладающих высокой степенью вероятности. Обсуждая социальные системы, автор рассматривает понятия социальной структуры, структурной преемственности, формы социальной структуры, определяет реальность социальных обычаев и обсуждает общество как социальную систему, являющуюся для социальной науки основной единицей изучения. Особое внимание уделяется отграничению социальной науки от психологии.

Treating the division of sciences as based on a distinction between different types of systems, defining system as a set of relations between elements, and holding that every kind of system is constituted by its own kind of relationships, Radcliffe-Brown defines social science as a science of social systems or of social relations constituting them. In his description of a method of a science of society he discusses the parts played in it by observation, hypotheses, taxonomies, classifications, generalization, concepts, abstractions, definitions, analogies, procedures of comparison and creative imagination. He characterizes the method of social science as a comparison of different kinds of systems aimed at getting the generalizations (natural laws) with a high degree of probability. In discussing social systems the author elaborates the concepts of social structure, form of social structure, and structural continuity, defines the reality of social usages, and discusses a society as a social system being the main entity studied in social science. Special attention is paid to differentiation of social science from psychology.

Ключевые слова: система, таксономия, классификация, вероятность, причинность, социальная система, социальная структура, социальные отношения, социальный обычай, структурная преемственность.

Keywords: system, taxonomy, classification, probability, causality, social system, social structure, social relations, social usage, structural continuity.

---

* Продолжение публикации. Начало смотрите в предыдущем выпуске.
Перевод сделан по изданию: Radcliffe-Brown A.R. A Natural Science of Society. Chicago: University of Chicago Press, 1957.

Разделение наук на основе исследуемых ими систем

Наука проводит различие между типами систем, которые она изучает; например, социальная система отличается от ментальной, или психической. Эта процедура проведения различия предполагает, что каждая система может быть концептуально отделена от любой другой и от всего остального мира. Кроме того, она предполагает, что такая концептуальная изоляция будет обладать относительно высокой степенью соответствия феноменальной реальности.

Наука в некотором смысле непрерывна: не существует скачков от одной системы к другой, от систем, которыми занимается одна наука, к системам, которыми занимается другая. Реальная «прерывность» существует между системами в том смысле, что есть естественные типы систем, между которыми возможно провести различие. В конечном счете, как утверждают Уайтхед и Гераклит, существуют только события; однако между ними можно провести различия, отнеся их либо к той, либо к другой системе.

Я не хочу этим сказать, что общепринятая классификация наук не строится на основе систем, с которыми они имеют дело; не имею я в виду и того, что какая-либо классификация будет незыблемой и окончательной. Я говорю о том, что классифицировать науки на основе классов систем, изучением которых они занимаются, логично и практически целесообразно. По мере нахождения новых типов систем к науке будут присоединяться новые области исследования. А по мере развития каких-либо двух наук плодотворность рассмотрения тех типов систем, с которыми они работают, в соотношении друг с другом будет вести к появлению соответствующей междисциплинарной науки.

Разделение областей науки по общим типам естественных систем, являющихся предметом их исследования, можно проиллюстрировать так: механика — это наука, которая изучает механические системы; физическая химия изучает системы атомов; химия — молекулярные системы; коллоидная химия — коллоидные системы; цитология — клеточные системы; а физиология — животные организмы. Биохимия представляет пример междисциплинарной науки, занимающейся двумя видами систем. Обобщения каждой из этих наук представляют собой утверждения о характеристиках тех систем, изучением которых она занимается.

Механические системы

Прежде всего мы можем провести различие между механическими, или временными, системами и системами динамическими и устойчивыми.

Механические системы состоят из связанных друг с другом движений и масс. Их составными элементами, или событиями, являются положения массы в разные моменты времени и отношения между ними, т.е. отношения взаимосвязи между этими событиями. Пример: система падающего тела Галилея, в которой событиями являются положения тела в точке *a* в момент времени t_1 , в положении *b* в момент времени t_2 и т.д., а отношения представляют собой отношения взаимозависимости между этими явлениями.

a	t_1
b	t_2
c	t_3
d	t_4

Исследование систем падающих тел было предпринято Галилеем с целью открытия естественного закона, которому они подчиняются. «Каждый случай x есть случай y ». Перед Галилеем стояла задача найти y . Найдя его, он смог установить естественный закон: «Каждый случай падающего тела есть случай единообразно уско-ряющегося движения». Этот закон ему удалось выразить в формуле:

$$S = \frac{vT^2}{2}$$

(где S – расстояние; T – время; v – скорость).

Устойчивые системы

Свойством любой устойчивой системы является сохранение ею на некотором отрезке времени своей структурной преемственности. Структура системы – это специфическое множество отношений между ее элементами. Преемственность этой структуры, будь то в атоме или живом организме, есть динамическая преемственность.

Среди устойчивых систем мы можем выделить следующие: атом, молекулу, кристалл, коллоид, живую клетку, многоклеточный организм. Атом представляет собой устойчивую систему, состоящую из элементарных частиц, которые находятся в определенных отношениях взаимосвязи, сохраняющихся с течением времени. Химическое вещество являет пример устойчивой системы, состоящей из некоторого множества неизменно связанных свойств, которые рассматриваются как события, находящиеся в отношениях взаимозависимости. Живой организм – еще одна такая система; это система молекул, находящихся в сложной взаимосвязи, сохраняющейся на протяжении всей жизни организма. Таким организмом является животное; биологический вид – это класс, членом которого является система «животное»; сам вид определяется естественными законами. Среди африканских львов каждый в отдельности представляет собой такую систему; взятые все вместе, они конституируют генетическую систему, связанную общностью происхождения, а тем самым представляют собой один из членов класса систем, изучением которых занимается генетик.

Каждая система характеризуется специфическими видами отношений. Наша задача – определить эти отношения. В химии это отношения сродства, валентности, ионизации – «химические» отношения. В механической системе элементами являются массы, а отношения в ней пространственно-временные, т.е. отношения между находящимися в движении массами. Живой организм может рассматриваться как система клеток, объединенных физиологической связью, и наряду с этим как система поведенческих актов. Физиолог относится к человеческому организму как к системе клеток и молекул; психолог трактует его как систему актов поведения; и еще человеческое существо может трактоваться как единая система – физико-психологическая система.

Систему можно определить путем определения двух вещей: (1) каковы ее элементы и (2) какие особые типы отношений, существующие между этими элементами, образуют систему. Мы можем определить социальную систему: ее элементы – это человеческие существа, рассматриваемые как множества поведенческих событий, а отношения между ними – социальные отношения. Либо такое рассуждение ушербно, либо можно пойти дальше и сказать, что раз существуют отождествимые социальные системы, состоящие из двух или более людей (скажем, индейцев тлингит или жителей

Соединенных Штатов) и отношений между ними, которые могут быть отделены от связей с событиями, внешними для данной системы, то здесь мы имеем элементы и отношения, составляющие предмет отдельной науки – социальной науки. Есть и другие науки, работающие с теми же самыми человеческими индивидами: психология, физиология, генетика и т.д. Эти науки можно определить через другие системы, образуемые теми же индивидами: психические системы, системы организмов, видовые системы и т.д.; а саму систему можно определить через специфические элементы и специфических типы отношений, существующие между ними.

Развитию социальной науки не предшествовало определение изучаемых ею элементов и взаимоотношений. Необходимо будет выделить и определить эти элементы и отношения. В конечном счете это определение должно взять за основу различные способы действия, свойственные людям; здесь сами собой напрашиваются «внутреннее поведение», «экономическое поведение» и т.д.; я полагаю, однако, что за основу должно быть взято *социальное* поведение.

Наблюдаемость систем

Системы доступны для наблюдения по-разному, а некоторые вообще недоступны. Я могу наблюдать серебро – систему, состоящую из некоторых совместно проявляющихся свойств, – но еще никто никогда не видел атом. Тем не менее химик и физик рассматривают атомы как системы электронов и протонов, связанных друг с другом определенным образом. Их существование они способны вывести путем умозаключения.

Метод науки

У некоторых людей есть ошибочное представление, что метод науки – это просто метод проведения наблюдений и открытия на их основе какой-то общей истины. Это выглядит почти как идея Бэкона. Такой метод *не* дает нам научного знания. Наблюдения, чтобы быть научными, всегда должны направляться какой-то общей гипотезой, т.е. формулировкой возможного естественного закона, которая затем проверяется с помощью наблюдений и, в зависимости от результатов проверки, либо отвергается, либо подтверждается, либо модифицируется.

Метод науки – это метод, включающий наблюдение, классификацию и генерализацию, но не как обособленные процессы, а как части одной сложной процедуры.

Понятия, формулируемые в целях анализа, и абстракция

Первоочередная задача науки, т.е. задача, постоянно стоящая перед ней, состоит в том, чтобы найти подходящие понятия, с помощью которых можно было бы провести анализ; и неважно, какой тип системы при этом исследуется. Современная механика стала возможной только тогда, когда Ньютону наконец удалось, опираясь на работы Уильяма Оккама, его последователей и Галилея, сформулировать понятие массы; это вещь довольно простая и очевидная, но во времена Ньютона никто и не подозревал о ее значимости, никто над ней даже не задумывался. Лишь после того, как было изобретено, разработано и научно определено это понятие, у нас начала появляться такая наука, как механика. Я полагаю, что для социальной науки такие важные понятия еще не придуманы. Их еще только предстоит открыть, развить и определить.

Как бы незамысловато ни звучало это положение, оно довольно важное и, на мой взгляд, не такое простое, каким кажется: определения произвольны. Единст-

венное различие между определениями состоит в том, что некоторые из них практически целесообразны, а другие — нет. Я мог бы назвать эту доску синей, а мел желтым. И нет никаких причин, которые могли бы помешать мне определить цвета таким образом, за исключением того, что такое определение было бы нецелесообразным. Тем не менее так обычно и делают в социальных науках: один человек называет мел черным, другой называет его синим. В одних определениях есть целесообразность, в других ее нет, если, конечно, речь идет об определениях в сфере феноменальной реальности. Напомню вам, что я веду речь об определениях феноменальной реальности, а не о математических определениях. Конечное подтверждение того, было ли данное определение целесообразным, будет вытекать из его полезности для развития наших знаний о феноменальной реальности. Все проверяется на практике.

Абстракции тоже являются произвольными и либо целесообразны, либо нецелесообразны: целесообразны тогда, когда дают результат или, во всяком случае, когда они необходимы. Например, когда Галилей, изучая падение тела на землю, предложил: «Давайте представим тело, падающее в вакууме», мыслители, стоявшие вне науки (среди них могли бы оказаться и некоторые современные социальные ученые), немедленно отреагировали: «Но ведь это всего лишь абстракция! Мы не можем видеть тело, падающее в вакууме». Что, собственно говоря, верно: да, не можем. Но, с другой стороны, если бы Галилей не вообразил такую абстракцию, он не решил бы стоявшей перед ним проблемы и не смог бы найти подходящую формулу для описания своей абстрактной системы.

Нет таких правил, которые сказали бы нам, целесообразно то, что мы делаем, или нет. Если бы вдруг они были, то мы могли бы отдать любого юношу в школу, поучить его там несколько лет и сделать из него научного гения; всех своих детей мы могли бы превратить в Ньютонов. Способу делания эпохальных открытий научить нельзя. Чтобы найти верные правила и правильные абстракции, нужен гений.

Окажется ли созданная абстракция практически целесообразной — это на самом деле едва ли не целиком зависит от случая. За всем этим всегда стоит творческое воображение, усматривающее аналогию, которую раньше никто не замечал, — творческое воображение Ньютона и Галилея. Это одна из причин того, почему действительно важные открытия вынуждены ждать своих гениев. Как только они совершаются, становится возможной другая научная работа, не требующая от людей гениальности.

Вместе с тем очевидно, что в попытках создать полезную абстракцию ученый придерживается логических процедур. Прежде всего он отдает себе отчет в том, имеет ли он дело с конкретной феноменальной реальностью или с абстракцией. Вы не станете, например, говорить о культурных паттернах, что они оказывают воздействие на индивида, ибо говорить это так же абсурдно, как и утверждать, что квадратное уравнение способно совершить убийство.

Одна из удивительнейших вещей в мире состоит в том, что положения математики не имеют отношения к феноменальной реальности (в том смысле, что они не опираются на наблюдение), но могут быть применены к реальным феноменам. Со стороны Галилея было актом веры его убеждение в том, что должна существовать некая формула, которая бы выразила закон, управляющий падающими телами. Кеплер, наблюдая движения в Солнечной системе, тоже полагал, что непременно должны существовать и могут быть изобретены такие математические выражения, кото-

рые свяжут эти движения. Для Галилея и Кеплера полагать так было абсурдно; но это был вопрос веры. Как только вы верите во что-то, *потому что* это абсурдно, вы совершаете акт чистой веры.

Однако лишь абстракции математики – абстрактной науки – не имеют связи с феноменальной реальностью. Абстракции естественных наук являются абстракциями только в том смысле, что отделяют общее от частного; они устанавливают общие связи между частными событиями, а сделать это можно лишь путем элиминирования различий между последними.

В естественных науках мы пользуемся абстракциями также и в смысле «отделения чего-то от чего-то» в целях анализа. Все факты в мире явно нельзя охватить одним махом. Когда я описываю и анализирую социальную систему, я ограничиваюсь определенными комплексами отношений, наличествующими на данный момент времени. Описывать Солнечную систему через действительные планеты и описывать ее в терминах движущихся тел и их движений не значит в первом случае иметь дело с реальностью, а во втором случае заниматься чистой абстракцией; разница между первым и вторым – это разница между простым описанием и научным анализом, между историей Солнечной системы и наукой небесной механики. Концептуальное обособление Солнечной системы от всего остального мира, обособление некоторых отношений в данной системе с целью последующего научного анализа не делают саму эту систему менее реальной.

Системы существуют. Это реальные, конкретные феномены: системы такого-то человека, такой-то клетки, такого-то общества; только «человек», «клетка», «общество» вообще существуют в абстракции, но существуют при этом не как абстрактные *системы*. Не бывает абстрактных социальных систем. Единственными абстрактными системами являются математические.

Таксономия

Первый этап в развитии любой науки – таксономический. Считается, что можно провести различие между, с одной стороны, такими науками, как физика и химия, и с другой – такими, как систематическая ботаника и зоология. Суть его состоит в том, что последние просто классифицируют феномены, тогда как физика и химия делают нечто большее. Это не та позиция, которую я лично готов разделить, поскольку я считаю, что все эти науки можно логически определить в одних и тех же терминах.

Что делает зоолог, занимаясь классификацией? Он находит однотипные повторяющиеся системы и определяет системы, относящиеся к одному классу. Определяя, что такое *лев*, он приводит нам характерные свойства всех систем, попадающих в класс «лев». Он делает по сути то же самое, что и химик, хотя и на другом уровне. Все, что ему нужно, это включить в поле зрения некоторых животных, возможно не прибегая даже к анатомическому анализу, и тогда у него появляется возможность вполне разумно их классифицировать.

Однако эти классификации – классификации первого уровня – ведут зоологов к дальнейшему исследованию их систем, а именно к изучению связей между особями одного вида, таких как связи между родителями и детьми. На первом этапе зоолог рассматривал льва как отдельную сущность и принимал во внимание отношения между свойствами индивидуального льва: он имеет хвост, у самца есть грива и т.д. (Это очень типичный естественный закон: «Каждый лев-самец обладает гривой»; это ут-

верждение об отношениях сходства в классе систем «львы».) Но когда зоолог, пойдя дальше и рассмотрев льва-отца, львицу-мать, львенка-сына и связи между ними, говорит, что некое свойство передается по законам наследственности Менделя, — он говорит в этом случае о *генетической* системе, элементом которой является уже не отдельный лев, а генетически связанное семейство львов.

Следующий шаг совершается, когда ученый подвергает рассмотрению внутренние отношения в организме льва и приступает к изучению физиологии льва — не просто как набора характерных свойств, но как ряда характеристик, определимых лишь тогда, когда взаимосвязи в организме льва исследуются на протяжении долгого времени и через последовательные серии реакций.

Те же этапы восхождения к высшим уровням исследования соблюдались в развитии химии. Оно тоже начиналось с таксономии, т.е. с выделения химических элементов и их классификации. В настоящее время химия достигла высочайшего уровня искусства, гораздо более высокого по сравнению с тем, которого достигла ботаника, или тем, которого мы можем надеяться достичь в социальных науках.

На мой взгляд, из анализа развития других наук вытекает, что первым делом в социальной науке нужно решить задачу таксономии и классификации, и прежде всего классификации самих социальных систем. Я предполагаю, что научное изучение обществ не сможет достичь чего-то стоящего до тех пор, пока мы не разработаем классификацию социальных систем и не выделим типы, группы или классы, которые могли бы быть для нас полезны, т.е. могли бы привести нас к надежным обобщениям, касающимся всех обществ.

Вокруг классификации социальных систем все время велись оживленные споры. Такие классификации предлагались Контом, Спенсером, Дюркгеймом, Штейнмецем, Ле Пле; но если окинуть взором то, что было сделано реально, то можно увидеть, что мы едва ли сделали даже первые шаги на пути к научной классификации.

Конечно, у нас есть старейшая классификация, в которой народы делятся на примитивные и цивилизованные; однако никто не говорит нам, где все-таки следует провести границу между ними, и мы соединяем в один класс жителей Тробриандских островов, аборигенов Австралии, маори, тогда как на самом деле между маори и австралийцами, похоже, больше различий, чем между маори и нами.

Обычно в основу классификации клали только один аспект социальных систем: связь между обществом и средой. Классификация, основанная на этой единственной связи (разработанная Штейнмецем и воспринятая Хобхаусом) и получившая самое широкое распространение, делит народы на охотников и собирателей, пастушеские общества, простые земледельческие общества, развитые сельскохозяйственные общества, промышленные общества и т.д. Ясно, что эта классификация базируется лишь на одном из отношений, присущих социальной системе.

Я не хотел бы сейчас обсуждать классификацию обществ; хочу лишь заметить, что общества чрезвычайно сложны. На пути к удовлетворительной классификации встает необычайное множество трудностей. Все, что я пока хотел бы сказать, это что мы определенно ничего не достигнем, пока не установим классификации.

В физике классификации просты. В качестве примера можно взять один из случаев, когда на авансцену выходит гений. Положим, вы изучаете объекты, падающие на землю: они образуют единый класс систем падающих тел. Теперь вы берете какой-нибудь предмет и бросаете его в воздух. Этот предмет, несомненно, принадле-

жит к другому классу падающих тел — классу, который включает также ядро, вылетевшее из пушки, и стрелу, выпущенную из лука. Одна из гениальных находок Галилея заключалась в том, что он увидел в раскачивающемся маятнике еще один особый класс тел, падающих на землю. А гениальность Ньютона выразилась в том, что он распознал еще и другой класс того же рода в движении Луны вокруг Земли: «Луна постоянно падает на Землю». Научные процедуры у Ньютона и Галилея были в основе своей таксономическими. Аристотель ввел таксономию на 1600 лет раньше, но мир не проявлял к ней интереса до тех пор, пока не пришел Галилей. Как бы там ни было, любые классификации, вводимые в физике, неизбежно являются простыми; в социальной же науке они неизбежно будут сложными.

Анализ систем

Следующий наш вопрос будет звучать так: «С помощью какого метода можно открыть, проанализировать и описать свойства социальных систем?» Такова фундаментальная постановка любой научной проблемы.

Вы можете заметить, что в случае систем, которые можно наблюдать и контролировать, мы можем проводить эксперименты. К некоторым типам систем — системам, которые изучаются физическими науками, — мы можем применить метод измерения.

Тогда возникает вопрос: «Можно ли применить методы измерения и эксперимента в социальной науке?» А также: «Возможна ли вообще наука без измерения и эксперимента?» На первый вопрос я отвечаю «нет», поскольку, как, полагаю, мы далее увидим, невозможно проводить измерения в социальных науках и уж вовсе невозможно, в привычном смысле этого слова, проводить «эксперименты» на человеческих обществах. На второй вопрос я отвечаю: «Да, с помощью логических процедур мы можем прийти к научным обобщениям без измерения и без проведения экспериментов».

Суть дела, стало быть, в следующем: «В чем вообще состоит сущность научной процедуры?» Здесь все очень просто. Во всех случаях методом науки является анализ усмотренной аналогии, которая поначалу воспринимается и определяется довольно смутно, но в итоге получает более точное определение.

Аналогия — это всегда некая сумма воспринятых сходств и различий. В сущности, это сравнение. Видимо, лучшей иллюстрацией аналогии будет уже приводившаяся ранее аналогия между двумя эллипсами. Мы усматриваем в них некоторое сходство формы и замечаем между ними некоторые различия. Именно это сходство, интересующее ученого и привлекающее его внимание, должно стать предметом анализа.

Первый этап — таксономический; необходимо придумать какое-нибудь название («овал» или «эллипс») для всех форм, демонстрирующих эти общие характерные свойства. Может пройти много времени, прежде чем будет предпринят следующий, второй шаг; решив таксономическую задачу, люди могут целые столетия умиротворенно довольствоваться сделанным.

И если бы вы спросили: «Что делает вещь овальной?» — никто не смог бы дать вам достаточно точного определения. Вам просто показали бы эллипс. Вы могли бы отличить овалы от окружностей (это опять-таки таксономический шаг). Между ними есть явные сходства и различия. Далее вам пришлось бы провести различие между ними и другими кривыми — гиперболами и параболами, которые, в свою очередь, сами могут быть отличены друг от друга и классифицированы. Это явно таксономическая процедура.

Следующим этапом был вопрос: «Что общего имеют друг с другом все окружности?» Тут все было просто: «Все точки окружности лежат на одном расстоянии от центра». Даже кафр знает, как провести окружность с помощью палки и бечевы. Не так легко было открыть существенные свойства всех овалов. Их открыли греческие математики: есть два элемента, общих для всех эллипсов. «Эллипс — это геометрическое место всех точек, сумма расстояний которых от двух неподвижных точек постоянна». Они смогли установить закон эллипсов. Это был шаг за пределы таксономии. Как греки сумели этого достичь? Разумеется, с помощью сравнения.

Следующий шаг ведет нас еще дальше: мы понимаем, что окружности и эллипсы являются двумя подклассами более широкого класса и что, например, можно начертить эллипсы, все более и более приближающиеся по форме к окружности. Появляется понятие пределов: круг — это предел некоторого ряда эллипсов. Однако нам нет необходимости во все это вникать; достаточно указать, что фундаментальной основой науки являются аналогия и сравнение, используемые в целях все большего уточнения определений.

Если бы кто-то стал настаивать на необходимости эксперимента в науке, то астрономам бы сильно не повезло. В отношении некоторых систем, однако, эксперимент вполне можно заменить наблюдением. Эксперимент — это всего лишь наблюдение, проводимое в контролируемых условиях, то, что Уайтхед назвал «подделкой случайности» с целью проверить сделанное обобщение. Иначе говоря, это *точное* сравнение. Суть научного метода состоит в открытии таких процедур исследования, которые позволяли бы проводить все более точные сравнения. Тут-то и появляются измерение и методики измерений.

Измерение становится возможным, когда есть измеримые количества. Длина измерима; косвенно измерима в каких-то пределах и температура. Если я скажу, что «объем металла при нагревании увеличивается», я выскажу общий закон. Но ученый не довольствуется такого рода утверждением. Он не находит покоя до тех пор, пока не узнает что-нибудь более определенное. Он не может узнать об этом больше, пока не найдет какой-нибудь метод измерения температуры. И вот изобретается термометр. С ним он может определить, *насколько* металл при нагревании расширяется в объеме. Теперь закон можно выразить в математической форме: «Металл будет на столько-то расширяться в объеме при каждом подъеме температуры на один градус». В данном случае вы формулируете закон более точно.

Между тем можно провести измерения, не прибегая к нагреву. Ученый, конечно, предпочитает работать в лаборатории, но проверить закон можно и за ее стенами. Вы могли бы сделать это, даже если бы у вас не было способа нагреть металл. Вы можете найти кусок железа в разгар зимы и измерить его температуру, найти такой же кусок железа весенним днем и сделать еще один замер, а потом сделать еще один замер в жаркий летний день. Эксперимент в лабораторном смысле вовсе не обязателен. Что *действительно* важно, так это сравнение двух или более случаев одного и того же.

Подождим суть научного метода: сначала есть усмотрение аналогии, а затем анализ этой аналогии, посредством которого мы более точно определяем заключенные в ней сходства и различия. Я полагаю, что этим все в сущности и исчерпывается, независимо от содержания научной проблемы. Эта процедура довольно проста, когда вы рассматриваете простую систему, но усложняется, когда изучаемая система сложна.

Отсюда я заключаю, что если должна существовать естественная наука о человеческих обществах, то методом ее будет метод сравнения друг с другом социальных систем разных типов. Иначе говоря, если мы считаем, что все социальные системы аналогичны друг другу так же, как аналогичны друг другу все овалы, и желаем выяснить, в чем состоит эта аналогичность — т.е. что для всех социальных систем является общим, — то сделать это мы можем, лишь сравнив различные социальные системы и получив на основе этого сравнения определенные обобщения.

Нельзя вывести обобщения из изучения одного человеческого общества, независимо от того, как хорошо мы его знаем. Нельзя получить достоверные обобщения об уникальном, единственном во всем мире, о классе, состоящем из одного-единственного члена. Мы должны иметь как минимум два овала, как минимум два общества; на самом деле мы хотим иметь их гораздо больше.

Что значит установить обобщение? Я предположил, что естественный закон есть обобщенное утверждение, имеющее высокую степень вероятности. Задача естественной науки состоит в том, чтобы, во-первых, сделать такие утверждения более точными, чем они были раньше, и, во-вторых, повысить вероятность обобщения. Вы делаете обобщение, которое имеет низкую степень вероятности, а затем пытаетесь сделать другое обобщение, степень вероятности которого была бы выше. В естественной науке обобщения никогда не достигают степени абсолютной точности. Степень вероятности, которой будет обладать то или иное обобщение, зависит от совокупности фактов, которыми располагает исследователь на тот момент, когда делает это обобщение. А стало быть, пришло время сказать несколько слов о понятии вероятности.

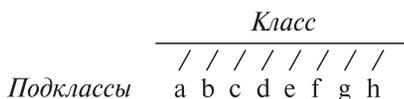
Понятие вероятности

Степень вероятности, свойственная обобщению, определяется в первую очередь природой исходной аналогии. На самом деле, как только обобщение установлено, оно уже обладает *какой-то* степенью вероятности — еще до того, как вы приступаете к его проверке.

Понятие вероятности крайне сложное. Я хотел бы заострить внимание лишь на двух его аспектах:

1. Как правило, вы не повышаете степень вероятности обобщения, просто умножая число примеров. В некоторых случаях обобщение можно адекватно верифицировать и небольшим числом примеров: двух эллипсов вполне достаточно для верификации закона эллипсов; вам нет нужды измерять сто эллипсов или тысячу. Галилею для верификации его закона падающих тел хватило одного-двух простейших экспериментов; на самом деле он проводил эксперименты даже не с телами, свободно падающими в воздухе, а с шарами, скатывающимися по наклонной плоскости; при этом ни у кого не возникает даже мысли о том, что нужно провести дополнительные эксперименты с падающими телами для проверки обобщения Галилея.

2. Второй момент, который кажется мне очень важным, состоит в том, что если вы имеете некий данный класс, содержащий несколько подклассов, отличных один от другого, то любое ваше обобщение, касающееся класса в целом, лучше всего будет проверять на примерах, взятых из разных подклассов.

Допустим, вы делаете обобщение о живых организмах, о животной жизни в целом. Вы базируете свое обобщение на разных подклассах живых организмов — на нескольких видах млекопитающих, птиц и т.д., — и вам удастся его верифицировать. Ваше обобщение может состоять в том, что жизнь животного зависит от поддержания более высокой температуры, чем температура окружающего воздуха; это обобщение истинно для тех подклассов, которые вы приняли во внимание. Но если вы рассмотрите далее рептилий, рыб и т.д., то выяснится, что сделанное вами обобщение абсолютно неверно. Вы должны пройти весь путь заново и вместо рассмотрения лишь похожих подклассов принять во внимание разные подклассы и сделать новое обобщение. Именно разнообразие примеров, а не их число, более всего важно для получения истинных обобщений.

То же можно сказать и применительно к человеческим обществам. У обобщений, которые мы делаем, будет несоизмеримо больше шансов оказаться правильными, если мы будем проверять их на двух различающихся обществах, а не на двадцати похожих. Это крайне важное положение. Кроме всего, это еще и фундамент сравнительного метода в антропологии. Если антропология права, то над значительной частью работы социальной науки нависла угроза обесценения, поскольку социальная наука ограничивает свое внимание только определенным подклассом общего класса человеческих обществ.

Причинность

В каком-то смысле понятие причины имеет фундаментальное значение для науки, и вот в каком: оно не может быть изъято из практической, прикладной науки. Если построенный мост рухнул, перед инженером встает вполне понятная задача выяснить причину. Врачу необходимо знать причину болезни пациента, чтобы можно было как-то лечить недуг. В практической жизни понятие причины является абсолютно необходимым.

С другой стороны, современный ученый-теоретик исключает понятие причины из своих научных изысканий. Если мы спрашиваем относительно того или иного ряда событий: «Какова их причина?» — то мы из всей совокупности предшествующих событий отбираем те, которые считаем значимыми с точки зрения особых целей нашего исследования, а затем определяем причину в контексте ближайших и исключительных интересов, которыми мы в данном случае руководствуемся. С другой стороны, если бы мы определяли причину как общую сумму *всех* необходимых и достаточных условий данного события, то никогда не могли бы выяснить причину чего бы то ни было до конца. Кроме того, при занятии системным анализом то, что можно установить во внешне удовлетворительных каузальных терминах, может быть точнее установлено в некаузальных терминах. Например, мы обнаруживаем, что кусок металла, когда он горячий, длиннее, чем когда он холодный. Непосредственной причиной, говорим мы, является изменение температуры. С научной точки зрения было бы правильнее сказать, что между температурой и длиной имеется ковариация. И будет еще точнее, если вы определите эту ковариацию в количественных терминах. Когда речь идет о причине, значение имеет система в целом. Чтобы определить причину, вам необходимо определить всю систему в целом; нельзя отбирать лишь какие-то отдельные факторы.

Существует еще один тип этиологии, где причина рассматривается как нечто совершенно отличное от причины в рамках конкретной системы. Он, в частности, утверждает, что биологические феномены можно объяснить через химические. Нет такого объяснения биологической системы, которое могло бы быть сделано только

в терминах химии. Вы *можете*, например, показать, что существует корреляция между коллоидной ионизацией и мышечным тонусом: мышцы сокращаются, когда калий нарушает ионное равновесие, и снова расслабляются при добавлении кальция. Мы можем найти и сформулировать обобщения о биологических системах, которые, как мы можем затем показать, ковариантны отношениям в химической системе.

Социальная система как естественная устойчивая система

Социальная система

Если мы соглашаемся с тем, что естественная наука занимается естественными системами, и можем согласиться с тем, что общество — это естественная система, причем такая, которую можно исследовать, то мы можем иметь естественную науку об обществе.

Естественная система состоит из единиц, находящихся в отношениях реальной (существующей в феноменальной реальности) взаимосвязи. Этими единицами могут быть события или системы событий. Мы должны определить эти события.

В социальной системе такими единицами являются индивидуальные человеческие существа, находящиеся друг с другом в некоторых отношениях, дифференцированных и обособленных от всех других отношений в мире. Индивиды существуют как единицы, но, кроме того, каждый из них, если рассматривать его в потоке времени, характеризуется некоторым множеством связанных друг с другом актов поведения, которые сами по себе конституируют систему. «Том Джонс» — это имя, которым обозначается некоторый целостный ряд событий, т.е. некоторое множество актов поведения; и как таковой Том Джонс есть единичная система в системе общества.

Отношения *между* индивидами в социальной системе — это *социальные* отношения, и они суть реальные вещи, части феноменальной реальности. Два или более организма оказываются связаны социальным отношением, как только между ними возникает хотя бы какое-то взаимное приспособление интересов. *Интерес* предполагает целевое поведение. Я использую этот термин как аналог понятия *силы* в физике. Сила и интерес не являются реальными сущностями. *Сила* — это логическая фикция, удобное понятие, с помощью которого мы можем описать некоторый тип физических явлений. *Интерес* — аналогичная логическая фикция для описания биологических феноменов; это стенографическое описание некоторой последовательности актов поведения, не являющееся само по себе реальной сущностью, но полезное для описания феноменальной реальности.

Науке все равно, где будет проведена разграничительная линия между целевым и механическим поведением. Амеба имеет позитивный целевой интерес к пище и негативный целевой интерес к опасности. Мы не можем описать эти целевые акты в терминах сил и потому описываем их в терминах интересов. Возможно, в один прекрасный день мы найдем способ описать поведение амебы в терминах сил, а не интересов. Но пока мы не можем описать целевое *человеческое* поведение иначе, кроме как через такие термины, как «интерес».

Элементарные формы социальных отношений мы видим у животных: в обществах пчел и муравьев, например. Однако отношение между волком, заинтересованным в том, чтобы съесть ягненка, и ягненком, заинтересованным в том, чтобы не быть съеденным, не является социальным отношением, так как в нем нет взаимного приспособления их интересов. Здесь мы имеем случай чистого соперничества; это взаимоотношение несocialно. Полное невнимание одного организма к интересам другого является нерегу-

лируемым конфликтом и исключает установление социальной связи. Социальное отношение *может* заключать в себе конфликт — как, например, в соперничестве умений во время игры, в человекоубийстве или в военном противоборстве, — но в этом случае социальное отношение зависит от некоторой модификации поведения. Если я по собственной воле модифицирую поведение, приспособливая его к интересу другого, то устанавливается социальное взаимоотношение. Если я не обращаю внимания на интерес другого, то я действую антисоциально, но не несоциально. Я могу выступать против существующей социальной системы, но все-таки оставаться частью этой системы. Система, возможно, и без моего добровольного сотрудничества приведет к взаимному совмещению интересов. Между волком и ягненком такое взаимоприспособление исключено.

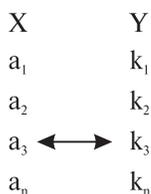
Социальная система — это система реальных отношений взаимосвязи между индивидами. Например, в каком-нибудь *действительном* сообществе в Австралии мы имеем индивидов, находящихся в контакте, и существующие между ними наборы отношений, заключающие в себе взаимоприспособление их интересов. Тут имеется естественная система, поскольку эти отношения существуют в феноменальной реальности и, следовательно, доступны для наблюдения. Социальная наука — это выяснение природы социальных систем, определенных в этом смысле.

Отсюда возникает проблема наблюдаемой реальности в социальной системе. Каковы в ней непосредственно наблюдаемые феномены? Это многочисленные акты поведения, в том числе речевые акты, совершаемые индивидуальными человеческими существами, действующими в одиночку или вместе. (Коллективное действие — всего лишь комбинация индивидуальных действий.)

Социальная наука vs. психология

Как бы я ответил на критику, что социальная наука и психология наблюдают одни и те же единицы, акты поведения индивидов? Если бы предмет изучения, или данные, конституировали единственное различие между двумя науками, то не было бы никакой разницы между науками, которыми занимаются психолог и социолог. Но акт поведения можно брать и наблюдать в двух совершенно разных системах. Интересы социального ученого и психолога направлены вовсе не на одну и ту же систему с заключенным в ней множеством отношений. Социального ученого интересуют отношения, которые он находит между актами разных индивидов; психолога же — отношения между актами поведения одного и того же индивида.

Психология занимается системой, которую мы называем «душой», или «разумом» (mind). Разум (и это единственное, на мой взгляд, оправданное его определение) — это название системы ментальных отношений, единичные элементы которой, акты внутреннего и внешнего поведения, связаны друг с другом отношениями взаимозависимости. При рассмотрении этой системы нет нужды привлекать тело, которое, по моему мнению, всегда существует вместе с разумом, что бы там ни говорил по этому поводу сэр Оливер Лодж. Физиолог изучает тело, психолог — разум, физиопсихолог — систему «разум-и-тело».

X и Y — два индивида. $a_1, a_2, a_3 \dots a_n$ — акты поведения в системе «индивид X » (скажем, a_1 — акт во время рождения, a_n — какой-либо акт в зрелом возрасте). Система «индивид Y » образуется аналогичным образом из множества актов поведения $k_1 \dots k_n$ и отношений между ними. X и Y являются каждый по отдельности ментальными системами, выявлением свойств которых занят психолог. Но есть также отношения между актами поведения X и актами поведения Y , скажем между a_3 и k_3 . Отношения между X и Y не являются психическими, или ментальными. Здесь имеет место отношение между двумя ментальными актами, но не одного индивида, а разных, и это социальное отношение. Уже простое выслушивание другого содержит в себе приспособление к интересу другого. В таком приспособлении присутствует интерактивное поведение. Оно является непосредственным. Существуют действительные временные и пространственные отношения. Они устанавливают особый род отношений, существующий отдельно от всех других отношений в мире.

Отношения мужчины, входящего в магазин, чтобы купить шляпу, или женщины, входящей туда же, чтобы купить бифштекс, с клерком, с кассиром, с владельцем магазина — все это социальные отношения. Отношения *в* самом мужчине между осознанием того, что ему нужна новая шляпа, и решением ее купить, либо *в* женщине между осознанием того, что она проголодалась, и решением купить бифштекс, — это психологические связи. Взаимоотношение *между двумя персонами* никогда не может, по моему определению, быть психологическим. Единственные психологические отношения — это те, которые существуют внутри одного разума, если только мы не допускаем существования телепатии.

Если я иду в школу, изучаю там геометрию, а позднее становлюсь инженером и применяю полученное знание, то связь между тем, что я изучил, и тем, как я этим знанием пользуюсь, есть специфически психическая связь. С другой стороны, обмен идеями — это явно социальное отношение. Как только включается обмен символами, появляется социальное отношение. То, что вы на кого-то сердитесь, есть психологическое отношение между вашими душевными состояниями; но если вы выказываете свой гнев, клянете того на чем свет стоит, тогда вы устанавливаете социальное отношение. Сам факт того, что вы вступаете в коммуникацию с другим, показывает, что с интересами двух людей происходят некоторые модификации. Интерес двух людей может состоять в том, чтобы сразиться; вы не сможете сыграть в шахматы, пока не найдете себе противника. Противостояние такого рода представляет собой конъюнкцию интересов; здесь имеется социальное отношение. Если вас интересует психологическая система, то предметом вашего интереса будут, безусловно, те отношения, которые скрыты под кожей одного индивида. Но как только вы выходите за пределы кожной оболочки индивида, вы имеете уже не психологические, а социальные отношения.

Я не верю в возможность дифференцировать науки по предметному содержанию, из которого они исходят: т.е. по наблюдаемым данностям. Я не думаю, что данности, с которыми работает социолог, можно отличить от тех, с которыми работает психолог. И социальный ученый, и психолог заняты наблюдением актов человеческого поведения. Эмпирический материал у социальной науки и психологии один и тот же. Следовательно, если пытаться разграничить эти науки на основе наблюдаемых данностей, то окажется, что никакой разницы между ними нет.

Я, со своей стороны, провожу различие между психологическими и социологическими законами. Это различие вытекает из того, работаете ли вы с одним типом системы или с другим. Ваши обобщения будут психологическими, если вы выводите их из одного типа системы, и социологическими, если вы выводите их из другого.

Вернемся еще раз к природе элемента, или единицы, природе связи между элементами и вытекающей отсюда природе системы. Допустим, мы берем атом как нечто состоящее из множества электронов и протонов. Системой является атом в целом. Вы можете изучать характеристики атома в целом так, как это делает *химик*. Для многих целей он не принимает во внимание внутреннюю структуру атома. Пятьдесят лет назад вы не могли бы изучать внутреннюю структуру атома; вам сказали бы, что таковой у него нет. Что бы вы в таком случае делали, так это изучали бы связь одного атома с другим в молекулярных системах. Вы имели бы дело с природой атома как целого, а не с его внутренней структурой.

Но если вы изучаете атом так, как это делает *физик*, то выясняется, что какая-то часть поведения атома определяется его внутренней структурой. Вы обнаруживаете, например, что строение атома кальция и строение атома лития во многом схожи. Сходство систем в целом зависит от сходства их внутренних структур. Делая такое наблюдение, вы не обращаете внимания на тот факт, что некоторые из частиц являются электрическими частицами. Вы просто допускаете это, принимаете как данность. Совершенно очевидно и не подлежит сомнению, что характеристики атома определяются двумя вещами: во-первых, структурным расположением электрических частиц и, во-вторых, тем, что они электрические. *Электрофизик*, со своей стороны, изучает электрические частицы как *электрические частицы*, независимо от того, где они проявляются, в атоме или в свободном пространстве.

Эта аналогия, безусловно, применима к социальной науке и психологии. Можно говорить, что характеристики общества определяются двумя вещами: во-первых, тем простым фактом, что общество образовано из человеческих существ; и, во-вторых, внутренней природой этих человеческих существ. Никакие исследования, какими бы масштабными они ни были, не смогут объяснить характеристики общества, обращаясь только к природе человеческих существ; но обратившись к изучению человеческих существ, *расположенных в определенном порядке*, — да, смогут. Социальный ученый изучает структурную аранжировку элементов, а внутреннюю структуру самих элементов принимает как данность. Он вправе так поступить. Природа элементов, становясь на какое-то время нерелевантной для социального ученого, остается проблемой первостепенной важности в исследованиях психолога; последнего интересует именно внутренняя природа элементов.

Если бы кто-то стал утверждать, что нельзя изучать общество, пока не изучен индивид, и мы бы с этим согласились, то нам пришлось бы сказать, что и химику XVIII века было совершенно бессмысленно изучать молекулы, пока он не выяснил, что представляют собой атомы. Слава богу, химики XVIII века так не думали: вся система химии была выстроена в отсутствие знания о внутреннем строении атома. Так и здание социальной науки вполне возможно воздвигнуть, не обращая ни малейшего внимания на внутренние связи, заключенные в человеческих индивидах.

Следует признать, что социология и психология будут в какой-то мере развиваться одновременно и даже во взаимосвязи друг с другом. Я полагаю, что те психологические обобщения, которыми иногда пользуется социальная наука, являются

скорее обыденными и эмпирическими, чем научными; и что никакой реальный прогресс в области психологии не станет возможен до тех пор, пока не получит развития теоретическая естественная социальная наука.

Еще один момент нужно отметить, и он касается того, что называют иногда коллективной психологией. Она принимает идею зависимости так называемой психологии от социальной системы и утверждает, что если вы хотите понять индивида, то прежде должны понять общество. Да, это так, но это не значит, что для этого вы должны изучать само общество. Тем, чем вы будете заниматься, будет изучение индивидуальной системы в ее связях со средой. Средой для индивида является мир в целом, а сюда входит и непосредственное социальное окружение, в котором индивид живет. Психолог должен изучать реакцию индивида на свою среду. Коллективная психология, как истолковывает ее Лоундейл, не есть изучение общества; это изучение класса индивидуальных систем. И тем, к чему она в итоге приведет, будет формулировка естественных законов, относящихся к ментальным, но никак не к социальным системам.

Как могут сойтись в одной точке психология и социология: промежуточная наука

Допустим, мы сделали некоторые обобщения о человеческом обществе, скажем об обществе Соединенных Штатов, и, в некоторой степени их верифицировав, считаем их теперь вероятными. Допустим также, что мы сделали еще несколько других обобщений, рассматриваемых как вероятные, относительно человеческой природы, т.е. человеческого разума, и тоже их верифицировали. (На самом деле это невероятно.) Одно множество обобщений касается отношений между человеком и человеком, другое — отношений между актами поведения одного отдельно взятого человека. Тогда мы можем спросить: «Есть ли какая-нибудь логическая связь между теми обобщениями, которые мы сделали о Соединенных Штатах, и теми, которые мы сделали относительно человеческой природы?» Эта проблема будет подобна, если хотите, проблемам биохимии, где вы, рассматривая законы, открытые одной наукой, физиологией, и другой наукой, химией, задаете вопрос: «Есть ли какая-нибудь корреляция, какое-нибудь отношение логической зависимости между законами, открываемыми этими науками?» — а затем начинаете связывать их воедино. Аналогичным образом мы можем спросить: «Есть ли какие-нибудь отношения логической зависимости между обобщениями о человеческом обществе и обобщениями о человеческой природе?» Если мы сумеем установить, что такие отношения есть, у нас появится поле для промежуточной науки, социальной психологии, точно так же, как мы имеем в качестве промежуточной науки биохимию.

Вторая область, в которой сойдутся изучение человеческого разума и изучение общества, — это исследование развития индивидуального разума в ходе жизни индивида; изучаться могут конкретные индивиды или люди вообще, развитие разума в отдельном индивиде или в группе индивидов. Это проблема того, каким образом «культура», как ее обычно называют (или то, что я называю социальной системой), формирует и изменяет поведение человека. Совершенно ясно, что нельзя изучить, как формируется индивид, пока не известно кое-что о его социальном окружении. Но если вы изучаете процесс формирования индивида обществом в самом индивиде, то вам нет нужды изучать социальную среду. Вы должны изучать только то, как она на этого индивида воздействует. Здесь, тем не менее, обнаруживается область, где социология и психология явно могут найти точки соприкосновения, поскольку

они будут формулировать свои обобщения, опираясь в основном на одни и те же данные. Вместе с тем, сформулировав свои обобщения, они увидят, что с логической точки зрения полученные ими результаты будут относиться к разным системам.

Я предполагаю, что именно здесь и пролегает четкая граница между социальной наукой и психологией. Спрашивайте относительно каждого конкретного обобщения: «Психологическое оно или социологическое?» Если окажется, что это обобщение о том, что связывает человеческих существ друг с другом (браке, ранге, подчинении, господстве), то это обобщение будет социологическим, а не психологическим. С другой стороны, обобщения о способах мышления, свойственных людям вообще, или об ассоциации идей по сходству или смежности — не социологические, а явно психологические. Не должно возникать никаких трудностей с образованием четкой дихотомии, с проведением ясной разграничительной линии между социологическими и психологическими обобщениями. Только при этом условии мы сможем потом продемонстрировать, что между обобщениями социальной науки, с одной стороны, и психологии — с другой, есть отношения обусловленности, логической связности. Эти отношения обусловленности и должны стать предметом промежуточной науки.

Типы отношений в социальной системе

Одной из форм отношений между актами двух разных индивидов является отношение, которое постоянно воссоздается, как, например, в актах поведения, скажем, между братом матери и сыном сестры в австралийском племени. Взаимосвязь здесь непосредственная, прямая.

Другой тип социального отношения обнаруживается, когда, например, вы находите трех жителей Андамских островов, и все делают луки одним и тем же способом, хотя, возможно, никогда друг друга не видели. Почему эти люди — *A*, *B* и *C* — делают луки одинаково?

<i>A</i>	<i>B</i>	<i>C</i>
x		
	x	
		x

Потому что луки — часть традиционной системы (т.е. того, что мы называем культурной системой, хотя я предпочел бы наложить табу на слово *культура*, также как и на слово *процесс*). Здесь присутствует отношение подобия; с точки зрения психолога, это просто подобные акты поведения. Есть здесь, однако, и более глубокая связь, аналогичная той, которая обнаруживается между актами особей одного вида, скажем в африканской популяции львов. Популяция животного вида есть генетическая система; этим и объясняется сходство актов поведения разных особей. Определенный способ деления лука традиционен (в отличие от чихания, общего для всего человечества). *A*, *B* и *C* делают луки одинаковым способом, потому что они члены одной и той же «генетической» системы.

Если этот анализ верен, то мы можем определить социальную систему.

Отношения мы выводим из поведенческих актов. Мы наблюдаем акты внешнего поведения. Никогда нельзя наблюдать внутреннее поведение, но мы можем вывести его путем умозаключения. Я не могу чувственно воспринять гнев другого человека; я могу воспринять собственный гнев, а его гнев могу лишь вывести путем умо-

заклучения. (Мы должны проявлять особую осторожность, когда делаем умозаключения о внутреннем поведении людей в других обществах.) Мы выявляем человеческие отношения, наблюдая действия индивидов в сообществе. Скажем, наблюдая поведение множества отцов и сыновей, мы обнаруживаем сходства в поведенческих актах отцов и сыновей и можем определить это отношение со всеми его характеристиками. Затем мы можем определить некоторый тип отношения, обычный для данного общества; мы можем определить социальный обычай (usage).

Общество как возможная система

Рассмотрим еще раз мой любимый пример с системой падающих тел: отношения здесь инвариантны лишь при условии, что тело падает в вакууме. Они не будут инвариантными, если ввести трение воздуха. Тогда инвариантные отношения ограничатся очень небольшим классом систем. Свинцовая болванка и перья не падают в воздухе с одинаковой скоростью. Логически важно здесь то, что мы, используя таким образом слово *система* и применяя его к *обществу*, говорим, что наука — это исследование повторяющихся событий реальной взаимосвязи. В физике мы могли бы взять живое тело и найти отношения между клетками, межклеточной жидкостью и молекулами этого тела, а взяв другое тело, найти схожие отношения между его клетками, межклеточной жидкостью и молекулами: мы обнаруживаем сходства между двумя телами. То, что мы находим целый сложный комплекс отношений в одном теле и схожий комплекс отношений, повторяющийся в другом, означает, что в данном случае мы имеем класс физиологических систем. Естественный закон — всего лишь констатация инвариантных отношений в каком-то классе систем. Нас интересует открытие инвариантных отношений в системах обществ.

Социальная структура

Социальную структуру можно наблюдать. Структуру составляет общая сумма всех социальных отношений, связывающих всех индивидов в данный момент времени. Хотя ее, естественно, невозможно в любой данный момент увидеть во всей полноте, мы можем ее наблюдать; вся феноменальная реальность — вот она, здесь, перед глазами.

Структурная преемственность (continuity) конституирует устойчивость естественных систем. Пока планеты остаются на своих эллиптических орбитах, Солнечная система будет существовать. Социальная структура — это естественная устойчивая система. Она сохраняет свою преемственность вопреки внутренним изменениям, происходящим от мгновения к мгновению, из года в год, точно так же, как живой организм, несмотря на метаболическое изменение, остается тем же самым живым организмом. Она динамична: Соединенные Штаты, которые мы имеем сегодня, существовали и сто лет тому назад. Она статична: кирпичи, ее образующие, не покидают своих мест. Крошащийся и трескающийся цемент не обновляется активностью самого здания. (Мы не должны в целях сравнения принимать во внимание движение в атомах, образующих кирпичи, но только кирпич *как* кирпич.)

Структурная преемственность означает непрерывное существование структурной формы на протяжении некоторого ограниченного отрезка времени. Но эта форма — абстракция. Рассматривая в Австралии социальные отношения между десятью комплектами братьев матери и сыновей сестры, мы видим, что на самом деле эти отношения немного различаются; но прежде всего мы находим общий элемент и устанавливаем структурную форму этого отношения. Типы отношений, которых

придерживаются люди, будут оставаться теми же самыми в период времени, на протяжении которого сохраняется структурная форма, и это аналогично утверждению, что структурные формы человеческих существ остаются теми же самыми, если только (или пока) они не становятся патологическими.

Структурную форму общества социальный ученый как раз и должен описывать. (Эту форму мы можем назвать «нементальной» или, *если* угодно, «сверхпсихической».) Она проявляется в социальных обычаях. Исследование социальных обычаев – структурной формы – в разных социальных системах можно назвать *социальной морфологией*.

Социальные обычаи контролируют поведение людей по отношению друг к другу. Они проявляются несколькими способами: либо между двумя или более лицами, действующими сообща, либо в отношениях индивида с обществом в целом. Социальный обычай сам является системой, но не социальной системой. Он может существовать только в социальной системе.

Социальный обычай – не просто общий способ поведения. Например, мы имеем поведение, которое характеризует только одного человека: короля Англии или президента Соединенных Штатов. Несмотря на это, оно образует социальный обычай, и в нем всегда заключено некоторое правило поведения: есть надлежащие, или уместные, способы поведения в тех или иных обстоятельствах. Король ведет себя согласно социальным обычаям, которые ни к кому больше не применяются, но все этот обычай признают. Социальный обычай – не просто то, что люди делают, а нечто большее. *A*, *B* и *C* делают луки; *D* признает, что именно таким способом нужно мастерить лук. Реальность социального обычая конституируется (1) тем, что некоторые или многие люди его соблюдают, и (2) тем, что большое число людей признает его в качестве правила.

Определив таким образом социальный обычай, мы связали его с реальностью и тем самым разрушили «гордиев узел» Дюркгейма. Он утверждал, что есть социальная реальность, находящаяся вне индивида, не зависящая от людей и обладающая собственной индивидуальностью, даже чуть ли не собственным субстанциальным существованием. Тард, в свою очередь, полагал, что нет ничего кроме действий людей; социальные факты, с его точки зрения, находятся в людях. Как обычно и бывает, оба были правы и оба были не правы. Предложенный нами подход устраняет противоречие между их концепциями. Поведения происходят и в индивиде, и вне индивида. Социальные обычаи (если рассматривать их в контексте естественной социальной системы) находят свое выражение как в поведении данного индивида, так и вне этого индивида – в поведении других индивидов и во взаимосвязи его поведения с их поведением. Реальность конституируют индивидуальные поведенческие акты двух типов: акты поведения, в которых соблюдаются социальные обычаи, и акты признания этих актов подобающими или, в случае нарушения, неподобающими.

Социальный обычай локализован не только в индивидах еще и в другом смысле. Он предполагает акты поведения множества индивидов, являющихся неотъемлемыми частями единой социальной системы. Социальный обычай может существовать в реальности только в социальной системе; это некоторый набор отношений взаимозависимости; он сам является системой, подобно тому как лев есть система в генетической системе. Например, язык – это некоторый набор речевых обычаев, эпифеномен конкретной социальной системы. Эти речевые обычаи не только используются, но и считаются подобающими. Они существуют и могут существовать

в реальности лишь потому, что существуют в некоторой социальной системе.

Социальные обычаи можно определить как нормы. Но это не норма, которую ученый навязывает. Это норма, которую он замечает как нечто соблюдаемое обществом. В каких-то случаях для определения социального обычая достаточно пойти и посмотреть, что все люди делают. Вы видите, например, что все мужчины в Соединенных Штатах носят брюки: вы установили социальный обычай. Во многих случаях, однако, дело обстоит не так просто, поскольку вы обнаруживаете в поведении некоторые вариации. Тогда вам нужно пойти к самим людям и спросить: «Как, по вашему, следует поступать?» Они могут привести вам правило. Именно признание этого правила в сочетании с его соблюдением конституирует обычай. Каждое правило имеет два аспекта, и оба устанавливают норму. Во-первых, есть признание правила, и вы узнаете об этом, просто задавая людям вопросы. Вы можете обнаружить, что 80% людей в данном случае скажут вам, что это правило, 15% ответят «не знаю», а 5% скажут «нет». Во-вторых, есть еще степень конформности; и в том случае, когда вы получаете 80%-ное признание правила, вы скорее всего получите 60% конформности. 20% могут сказать: «Я знаю, что должен так поступать, но обхожусь без этого». Получаемая вами норма, следовательно, всегда имеет эту двойственную природу. Вы не можете определить социальный обычай иначе, кроме как через то, что люди делают, и то, что, с их точки зрения, они должны делать. Антрополог не устанавливает норму. Это правило, имеющее в своем соблюдении среднее распределение и некоторое стандартное отклонение; норма характеризуется тем, что люди в данном обществе говорят о правилах, и тем, как они с этими правилами обращаются.

Общество как социальная система

В соответствии с данным мною определением социальной системы можно сказать, что социальная система существует всегда, когда хотя бы два человека сходятся в одном месте и обнаруживают некоторое схождение своих интересов. Например, я захожу в магазин. Я хочу приобрести шляпу. Клерк хочет избавиться от шляпы. Мы вступаем во взаимоотношение; он показывает мне шляпу; она мне не нравится; я говорю ему, что такая шляпа мне не нужна. Он говорит, что это хорошая шляпа. Система развивается по мере того, как он выносит все новые и новые шляпы, а я их примеряю. Наконец, либо я какую-то из них покупаю, и система закрывается, либо я так и ухожу ни с чем, и система разрушается.

Здесь мы имеем простой пример социальной системы, которую можно описать простыми словами. Кроме того, это пример постоянно повторяющейся системы. Следовательно, мы можем классифицировать ее, объединив в один класс с большим числом других таких же по типу случаев, и различить класс социальных систем «покупки людьми шляп». Затем покупку шляп мы можем объединить в один класс с системами покупки других вещей и осуществить тем самым более широкую классификацию. Я не имею в виду, что эти социальные системы стоят того, чтобы отправиться их изучать, но они — *системы*.

Допустим, мы все же попытались исследовать системы этого особого типа: сразу бы выяснилось, что мы никогда не сможем понять поведение двух интересующих вас индивидов, если будем рассматривать его отдельно от всех других поведений, т.е. если мы изолируем эту систему от всего остального мира. Эти два индивида ведут себя определенными способами, которые навязываются им тем фактом, что они

люди, живущие в Чикаго и следующие определенным обычаям, принятым в Соединенных Штатах в 1937 году. Эту систему можно истолковать только в этом контексте. В Чикаго Соединенных Штатов 1837 года или в какое угодно время на Тонга эта система будет совершенно иной.

Если наука об обществе возможна, то совершенно ясно, что эти маленькие социальные системы, рассматриваемые отдельно друг от друга, не дадут нам равным счетом ничего для развития такой науки. Это всего лишь крохотные части целостной социальной системы, скажем Соединенных Штатов. Такие простые системы можно анализировать как элементы более широких систем, и их анализ можно назвать социальной гистологией.

Где в целях исследования нужно проводить границу вокруг системы? Помните, что система отграничена от всего остального мира. Во всех науках ученый пытается концептуально отделить предмет своего изучения от среды. В какой-то степени, как я говорил, такие абстракции произвольны, но при этом какие-то абстракции целесообразны, а какие-то — нет. Искусство науки состоит в знании того, где сделать абстракцию. Мастерство ученого таится в его способности отличить целесообразное от нецелесообразного, гарантируя тем самым, что его исследование принесет позитивные результаты. Этим и отличается хороший ученый от плохого. Здесь требуется некоторая доля интуиции.

Я предполагаю, что самая полезная абстракция, которую мы можем сделать в отношении общества, состоит в том, чтобы взять территориально ограниченную группу, которая не только выглядит четко отграниченной от других групп, но и достаточно гомогенна в большинстве аспектов поведения образующих ее индивидов (пусть даже не во всех), чтобы эти сходства могли быть открыты и составили материал, доступный для адекватного описания.

Социальный антрополог довольно легко с этим справляется в случае диких племен. Как правило, он берет абстракции, сделанные самими дикарями. Я отправляюсь в туземную деревню и говорю: «Кто вы такие?» Фактически я спрашиваю: «На каком языке вы говорите?» Они приводят мне название своего языка: «Мы люди карьера». Они сами себя назвали. Затем я спрашиваю: «А те люди за рекой тоже говорят на карьера?» — «Да». — «А те люди за бугром, они карьера?» — «Нет». Они изложат подробности, очертят для вас определенную территорию, отграничат людей, говорящих на одном и том же языке, и скажут, что эти люди — карьера. В целом, линия демаркации обычно устанавливается языком. Есть конкретный регион, который можно описать как «кариера» в силу того, что люди в его пределах говорят на языке карьера. Есть также некоторые совокупности общих обычаев, которые мы можем опять-таки описать как специфичные для этих людей. Следовательно, я могу получить удобную единицу, которую образует народ, территориально ограниченный, говорящий на общем языке и имеющий общие обычаи, и определить ее как свой объект изучения.

В некоторых районах Африки становится труднее решить, какую взять единицу. И еще более проблема усложняется, когда вы попадаете в общество вроде общества нынешних Соединенных Штатов. С некоторых точек зрения, было бы удобно взять за единицу Соединенные Штаты в целом — очевидно удобно, если вы занимаетесь политическими проблемами. С другой стороны, при рассмотрении экономических институтов единицей становится весь мир; весь мир сегодня общество. Для

каких-то других типов социальных проблем такая единица, как Соединенные Штаты, слишком велика, и, следовательно, в качестве единицы надо брать меньшее по размеру сообщество, которое мы сможем выделить, определить и изучить как систему.

Нет никаких правил, определяющих, как именно мы будем это делать. Еще раз подчеркну, что данная процедура содержит элемент произвольности; вопрос лишь в том, целесообразно мы действуем или нет, и, вероятно, мы не сможем сказать, была ли наша абстракция целесообразной, пока не завершим свое исследование и не увидим, какие результаты мы получили.

Стало быть, общество в действительности не тождественно социальной системе. Общество — это совокупность людей, связанных друг с другом определенными отношениями, которую мы изучаем как отдельную единицу, как концептуально обособленную систему, с целью ее описания и сравнения с другими подобными единицами. А коли так, то мы пришли к некоторому определению того, что конституирует общество. Не думаю, чтобы ему можно было дать более точное определение.

Резюме

Основной тезис, который я отстаиваю, состоит в том, что естественная наука о человеческом обществе возможна. С другой стороны, моя точка зрения такова, что тезис этот верен лишь при условии, что будут приняты некоторые допущения, или исходные посылки. Я бы предположил, что если принять определенный взгляд на природу науки и сказать, что в науке мы занимаемся свойствами субстанций, тогда придется сказать, что вообще не может быть такой вещи, как наука об обществе; может быть наука о людях — если хотите, психология, — но научного изучения человеческого общества быть не может.

1. Наука о человеческом обществе возможна лишь при условии, что мы примем некоторые исходные посылки. Естественную науку интересуют исключительно естественные законы. Проблемы всех естественных наук можно описать — на мой взгляд, адекватно и значимо — как проблемы анализа естественных систем, где под естественной системой понимается некоторое множество сущностей, т.е. событий или самостоятельных систем, которые в свою очередь состоят из событийных сущностей как еще более простых систем. Такая система состоит из некоторого множества элементов, событий или систем, находящихся друг с другом в определенных отношениях взаимозависимости. Естественный закон можно определить как утверждение о характеристиках некоторого класса естественных систем. Я, стало быть, утверждаю, что все виды естественных законов можно свести к одному классу.

Я отметил, что это кладет конец различию, проводимому иногда между так называемыми чисто таксономическими науками, такими как зоология и ботаника, и объяснительными науками, такими как физика и химия. Оба типа могут быть теперь определены как занимающиеся системным анализом, или определением характеристик систем, и единственная разница состоит, стало быть, в том, занимаются ли науки определением внешних характеристик систем, которые можно непосредственно наблюдать, или более глубоким анализом таких, например, систем, недоступных непосредственному наблюдению, как системы атомов в электронной физике. Здесь мы имеем дело с системой, которая никогда реально не наблюдается. Можно увидеть маршрут прохождения атома гелия через среду сжатой жидкости, но еще никто никогда не видел атом. И уж тем более никто никогда не видел электрон.

Чем мы в этом случае занимаемся, так это анализом теоретической системы – системы электрических частиц, конституирующих устойчивую систему, которую мы знаем как атом.

Разница между одним типом науки и другим состоит не в том, что одни науки таксономические, а другие объяснительные, а в том, имеем ли мы дело с непосредственно наблюдаемыми системами или системами, постигаемыми косвенным образом через теоретическое размышление.

2. Второе положение, которое я отстаиваю, состоит в том, что есть такие вещи, как социальные системы. И в частности, это означает, что существуют особые отношения – социальные отношения, – которые можно отличить от любого другого вида связей, существующих в мире.

Поскольку природа системы зависит от элементов системы и от отношений между ними, то имеются разные виды систем: механические системы, ментальные системы, физиологические системы, химические системы. Ментальная система – это такая система, в которой существует определенный род взаимосвязи. Есть связь между тем, что я думаю сегодня, тем, что я думал вчера, тем, что я думал год назад, и тем, что я собираюсь сделать через год. Эти отношения специфической связности конституируют реальность системы, которую, если хотите, мы называем разумом; и это ментальные, или психические, отношения. Отношениями в химической системе являются химические отношения. Между тем в социальной системе отношения опять же представляют собой нечто иное; они никогда не бывают ментальными (психическими), химическими или физиологическими, но систематически являются отношениями особого типа, который поддается определению. Когда между двумя человеческими организмами существует отношение, при котором имеет место схождение их интересов, мы имеем отношение, которое можно назвать социальным; оно отличается от всех других отношений в мире и локализуется в системе, единичными элементами которой являются люди. Человеческое общество образуется из людей и (определенных в этом смысле) отношений между ними.

Пер. с англ. В.Г. Николаева

Продолжение следует.